

Научная статья
УДК 211.2;130.2
DOI: 10.18384/2949-5148-2026-2-14-24

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ РАССМОТРЕНИЯ МИСТИКИ

Кравченко В. В.

*Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: kravvic@mail.ru*

Поступила в редакцию 02.02.2026

После доработки 22.02.2026

Принята к публикации 04.03.2026

Аннотация

Цель. Введение этнокультурного подхода к философскому исследованию мистики как социокультурного феномена.

Процедура и методы. Применялся системный метод с использованием историко-философской реконструкции и историко-религиозной компаративистики, а также контент-анализа, моделирования, абстрагирования, анализа и синтеза.

Результаты. Мистика была рассмотрена как факт прикосновения человека к принципиально непостижимой Тайне, которая в полной мере никогда не будет полностью постигнута, но приоткрывается при определённых условиях (в мистическом опыте). Были установлены основные этапы её исследования: на самых ранних этапах человеческой культуры мистика начала формироваться как особая сфера духовной жизни на основе мифов, а затем она осваивалась внутри мифо-магического комплекса как основа сакрального знания. Как показано на примерах реликтовых племён, мистика развивалась параллельно с магией, религией и философией. В древнегреческой культуре было сформировано первое «теоретическое» понятие «мистики» на фоне мистериальной практики. Специфическое понятие «мистика» было введено в философский оборот только в XIX в. Вл. Соловьёвым. В русской философии начала XX в. мистика осваивалась в русле «мистической философии» русскими мыслителями, непосредственно испытавшими мистический опыт.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в актуализации философского рассмотрения мистики и введении в научный оборот малоизученных пластов философско-религиозного знания, раскрывающих уникальные особенности русской философской мысли и духовной культуры.

Ключевые слова: мистика, этническая культура, миф, ритуал, магия, религия, философия, мистическая философия, просветление.

Для цитирования:

Кравченко В. В. Этнокультурный аспект рассмотрения мистики // Современные философские исследования. 2026. № 2. С. 14–24. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-14-24>.

Original research article

CONSIDERING "MYSTIKA" IN TERMS OF ETHNOCULTURAL ASPECT

V. Kravchenko

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
e-mail: kravvic@mail.ru*

Received by the editorial office 02.02.2026

Revised by the author 22.02.2026

Accepted for publication 04.03.2026

Abstract

Aim. To introduce an ethnocultural approach to the philosophical study of "mystika" (V. Solovyov's specific term for *mysticism*) as a sociocultural phenomenon.

Methodology. A systematic method was applied using historical and philosophical reconstruction and historical and religious comparative studies, as well as content analysis, modeling, abstraction, analysis and synthesis.

Results. "Mystika" was viewed as a fact of human contact with a fundamentally incomprehensible Mystery, which can never be fully comprehended, but is revealed under certain conditions (in mystical experience). The main stages of its research were established: in the earliest stages of human culture, "mystika" began to develop as a special sphere of spiritual life based on myths, and then it was assimilated within the myth-magical complex as the basis of sacred knowledge. As shown by the examples of relict tribes, "mystika" developed in parallel with magic, religion, and philosophy. In ancient Greek culture, the first "theoretical" concept of "mystika" was formed against the backdrop of mystery practice. The specific concept of mysticism was introduced into philosophical circulation only in the 19th century by V. Solovyov. In Russian philosophy of the early 20th century, "mystika" was mastered in the mainstream of "mystical philosophy" by Russian thinkers who had directly experienced mystical experiences.

Research implications lie in the actualisation of philosophical consideration of "mystika" and the introduction into scientific circulation of little-studied layers of philosophical and religious knowledge, revealing the unique features of Russian philosophical thought and spiritual culture.

Keywords: "mystika," ethnic culture, myth, ritual, magic, religion, philosophy, mystical philosophy, enlightenment

For citation:

Kravchenko, V. V. (2026). Considering "Mystika" in Terms of Ethnocultural Aspect. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 14–24. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-14-24>.

То, что мы знаем – ограничено, а то, чего мы не знаем, бесконечно.

Пьер-Симон Лаплас

Введение

Сегодня не существует как единого определения мистики, так и единой теоретической базы для формирования паллиативного определения столь уникального феномена.

Современный термин «мистика» связан с древнегреческой цивилизацией (и закрепился затем в средиземноморских / западноевропейских менталитетах)¹, но

¹ Этимологически термин «мистика» происходит от др. греч. глагола «μύω» – ‘закрывать’, ‘закмуриваться’ (о глазах); в расширительном смысле – ‘с закрытыми глазами’ (Beekes R. *Etymological Dictionary of Greek*. Vol. 1. Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 988). Со времён Гераклита «μυστή» означает ‘посвящённый’ (в Элевсинские мистерии), возможно, это термин, происходящий от понятия «тот, кто закрывает глаза», в противовес «εποπτής» – ‘наблюдатель’: тот, кто достигает высшей степени посвящения в мистерии (Chantraine P. *Dictionnaire Etymologique de la Langue*

мистические явления существовали с глубочайшей древности в различных регионах и цивилизациях. Дотеоретическое представление о мистике как особом феномене формировалось, по существу, на самых ранних этапах зарождения и развития человеческой культуры. Как факт духовного озарения, «сверхчеловеческого» понимания мистика рассматривалась не

Grecque, *Histoire des Mots*. Tome III. Paris: Editions Klincksieck, 1974. P. 279–281). При этом «μυστικοῦ» – это ‘принадлежащий тайнам’ (μυσται), а также ‘сокрытость, таинство’, «μυστηριον» – ‘тайнодействие’. (Frisk H. *Griechisches Etymologisches Wurterbuch*. B. I. Heidelberg: Carl Winter: Universitätsverlag, 1960. P. 728). В современном английском языке не существует понятия и термина «мистика», потому автор в данной статье вынуждена вводить английский неологизм “mystika”, по смыслу соответствующий в первую очередь определению этого понятия у Вл. Соловьёва (см. далее по тексту).

только как субъективное переживание, но и как нечто объективное, попавшее в сферу «естественного» из неизвестного источника.

Сегодня многие исследователи «родины» того, что в средиземноморском культурном ареале получило название «мистики», считают Индию. Скорее всего, именно в Древней Индии возникли своеобразные методы описания и разъяснения мистических явлений, а также были разработаны способы создания тех условий и человеческих состояний, при которых связь с подобными явлениями можно было возобновить. В древнейших преданиях сохранились образы «риши» – мистиков и мудрецов, обретавших и сохранявших священные знания, которые легли в основу развитой индийской цивилизации. Так, в ведической традиции в название одной из четырёх основных Вед – Атхарваведу – в древности не включался компонент «веда». «Это было “Атхарва” или “Атхарвангираса” (atharvangirasa) – название, состоящее из имён двух мифических родов: Атхарвана и Ангираса (angirasa – название полубожественных существ, мудрецов-риши, посредников между богами и людьми или angirasa “связанная с Ангирасами”») [1, с. 3].

Во всех древнейших цивилизациях обнаруживаются зачатки мистики, хотя не во всех исторических, культурологических и философских исследованиях учёные уделяют достаточное внимание этой проблеме.

Представление об изначальной и непостижимой Тайне, с которой человечество изредка и непредсказуемо сталкивается через своих редких представителей, всегда существовало и трактовалось по-разному. В древнейших этнических культурах подобные мистические представления были неотъемлемой частью **мифа**, если его рассматривать как сформированное этносом предельно целостное представление о действительности или её отдельных сторонах, позволяющее организовать жизнь этноса в сложных и непредсказуемых природных, социально-исторических и культурных обстоятельствах.

Истоки мистики в мифе и магии

Вслед за А. Ф. Лосевым мы считаем, что миф не является ни выдумкой, ни фикцией, ни фантастическим вымыслом, что он должен рассматриваться «с точки зрения самого мифического сознания», представляя как «...необходимейшая – прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая – категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это – подлинная и максимально конкретная реальность» [2, с. 59].

Определяя становление культуры и всегда оставаясь в её «подоснове», миф отражает особое отношение к жизни: *иррационально-объединенное, эмоциональное принятие* вещей такими, какими они только и могут быть. При этом, как показали исследования древнейших культур, ощущение Тайны пронизывало все представления о мире, и в основе примитивного сознания лежит принятие двойственной природы вещей. Для древних людей реальность была полностью слита с «неизвестностью», и ощущение таинственного как непознаваемого пронизало все связи и отношения человека с миром, т. е. сама «удвоенная» реальность была насквозь таинственна. По сообщению Л. Леви-Брюля, например, игороты с Филиппинских островов убеждены в том, что «все предметы имеют невидимое существование так же, как и видимое» [3, с. 29]. Таинственное было неотъемлемо присуще природным и созданным самим человеком предметам, причём действие внешних объектов было неявным, но по своему значению считалось более существенным и жизненно-значимым, чем явные, так сказать, поверхностные связи и взаимодействия. Французский учёный подчёркивал, что всё мироощущение первобытных людей было пронизано убеждением в том, что существуют «...силы, влияния, действия, неприметные, неощутимые для чувств, но тем не менее реальные» [3, с. 29].

На этом убеждении формировалась и «первобытная магия», которая, как и «ми-

фическое мышление», носила действенный и вполне реальный характер для древнего человека, а иногда – более существенный и жизненно-значимый, поскольку воздействие предмета на человека составляло неотъемлемый элемент представления об этом предмете. Таинственное пронизывало древнейшую магию, но в ней уже проявлялось то разделение между «пра-мистическим» и собственно «магическим», что позволяет магию, как и миф, считать лишь «предысторией» мистики, но несколько её не исчерпывающей.

Первобытная магия в общем смысле – это признание возможности подчинения явлений, предметов и событий человеку, обладающему определёнными «знаниями» и «техниками» ритуализированного взаимодействия и с реальной, и с «Иной» действительностью. В отличие от мистики, магия не признаёт отдалённости Иного от обыденного, а также зачастую отрицает подчинённое положение человека относительно высших сил, претендуя на управление «духами», «стихиями», применение «законов высшего мира» в земной сфере.

Специальные исследования этнологов доказывают: с древнейших времён в племенах существовали два уровня магического знания и практик – сакральное и профанное. Сакральная магия была связана с глубинным пониманием того, что изначальная и великая Тайна существует вне человеческих сил и обыденных понятий, открываясь только некоторым подготовленным людям при определённых условиях; это тайное («жреческое») знание хранилось в узком кругу посвящённых. Профанная магия, практиковавшаяся всеми членами племени, была основана на обыденном представлении о том, что в любой вещи есть скрытая, «невидимая» сторона, потому магические ритуалы общедоступной магии позволяли более эффективно выживать в двойственной природе.

Итак, если рассматривать магию не только как ритуальную драматизацию мифов, но и как этническую «интерпретацию» и деятельное освоение Тайны, необходимо подчеркнуть, что уже в древности сама Тайна в племенной культуре рассма-

тривалась на двух уровнях: сакральном, как Непостижимость и неподвластное человеку Вечное Начало мира, и профанном, как некая «таинственность», неотъемлемая от обыденных вещей, с которой можно прямо вступать во «взаимодействия» на основе особых «знаний» и действий.

О сакральной и профанной магии

Яркий пример кардинального различия сакральных и профанных магических практик можно обнаружить в исследованиях древнего африканского племени догонов, сохраняющих свою этническую культуру до наших дней. Это племя было обнаружено в середине XX в. французскими антропологами Марселем Гриолем и Жерменой Дитерлен в отдалённой горной местности Бандиагара в Мали. Догоны, примитивное племя, до сих пор не имеющее развитых орудий труда и письменности, вначале привлекло исследователей необыкновенными ритуальными масками. Проникнувшись доверием к европейскому учёному Гриолю, впервые серьёзно заинтересовавшемуся культурой их племени, жрецы догонов оказали ему великую честь и посвятили в тайное «знание». Решение приняли верховные жрецы и патриархи родов, поставив условие, что Гриоль должен пройти предварительную подготовку, которая затем продолжалась больше месяца. Поскольку у догонов нет письменности, информация из поколения в поколение передаётся устно, с использованием тысячи вспомогательных знаков, с каждым из которых связаны образы, метафоры, сравнения. Зачастую слово в мифе имеет несколько иное значение, чем в обыденном языке. В рассказе нельзя менять ни единого слова, ни одного звука, поскольку это может нарушить цельность изложения и его смысл.

Вместе со своей ученицей Гриоль записывал понятую им фабулу мифа, который оказался чрезвычайно сложным и по содержанию, и по подаче информации. Этнографам, не искушённым в тонкостях современных естественных наук, в первую

очередь в астрономии, пришлось серьёзно потрудиться, чтобы сопоставить знания догонов с современными представлениями о мире. Догонский тайный миф о сотворении мира касается устройства звёздных систем, мироздания в целом, происхождения людей от неких «прародителей», похожих на земноводных, прибывших в ковчеге из системы звезды Сириус.

К сожалению, Гриоль успел опубликовать только одно краткое сообщение о догонской концепции мироздания [4]. Он не только не дождал до широкого признания своих исследований о догонах, но и унёс в могилу многие тайные сведения, полученные им во время жреческого посвящения. Ж. Дитерлен, ученица и спутница антрополога, подготовила к печати первый том собранных Гриолем этнографических материалов и опубликовала его под названием «Бледный лис» [5]. Работы Гриоля в среде антропологов не вызвали особого интереса. Информация о догонах долго оставалась незамеченной, пока статья М. Гриоля случайно не попала в руки английского астронома Мак-Гри. Учёный поразился тому факту, что примитивное африканское племя знает о звезде Сириус-В, открытой только в 1862 г.! Наиболее современную и научно обоснованную интерпретацию космологических мифов догонов дал профессиональный астроном Эрик Геррье [6].

Жреческие мифы, по утверждению старейшин догонов, были получены ими «в готовом виде» от «прародителей», и задача их тайных обществ с древности до наших дней – сохранить в неприкосновенности полученные знания. Как подчёркивала Ж. Дитерлен, мифы не только догонов, но и племени бамбара должно понимать как «знание», а не как ряд «этнологических» рассказов [7, с. 1]. Известный отечественный этнолог Е. Котляр также указывала на особенность мифов племени бамбара (близких к мифологии догонов): «Это “знание”, в полном объёме, – привилегия членов общества Коре, последнего в цепочке из шести тайных обществ бамбара, представляющего высшую стадию посвящения» [8, с. 124].

Остальные члены племени догонов интерпретируют (или им преподносят их жрецы) некоторые фрагменты тайных знаний в доступной форме, где и появляются вполне понятные обыденные сюжеты, а также фольклорные персонажи, в простонародном понимании являющиеся тотемами (например, «бледный лис» Йуругу, который прямо ассоциируется с реальной африканской лисицей).

В исследованиях многих западных и отечественных этнологов подобные различия между сакральной и профанной магией рассматриваются и в других племенных культурах. Именно в сакральной магии формируется и сохраняется веками представление о непостижимой Тайне, которая открывается чрезвычайно редко и, как правило, уникальным людям в традиции или в «мистическом опыте»; что отражено в позднейшем термине и понятии «мистика».

О мистике в эпоху формирования религий

Формирование религий, которое мы связываем в первую очередь с появлением древнейших цивилизаций, ещё в большей степени выявило специфику «мистики», символизирующую Тайну, которая открывается только отдельным людям, в то время как любая религия предполагает максимально широкое распространение своих догматов и практик. Само представление о том, что было названо «мистикой», предполагало достаточно развитое абстрактное мышление и формировалось на этапе высокого развития цивилизаций.

Для осмысления специфики мистики как исторического и социокультурного феномена необходимо подчеркнуть категорическое отличие мистики от религии. Так, например, по поводу уже упоминавшегося древнеиндийского сборника текстов Т. Я. Елизаренкова отмечала, что в индийской традиции Атхарваведа, непосредственно связанная с двумя родами – Атхарванами и Ангирасами, отражает двойную природу заговоров этого сборника: «белую магию» первого рода и «чёрную ма-

гию» второго. Таким образом, Атхарваведа противостоит трём каноническим ведам и по характеру названия, и по содержанию как текст магического предназначения текстам собственно религиозного культа. Исследователь подчёркивает: «В основе АВ (Атхарваведы. – В. К.) лежат магические народные обряды, уходящие корнями в глубокую древность. Некогда они пронизывали собой весь быт древних ведийских племён... Типологические параллели этому встречаются в ранней истории самых различных цивилизаций» [1, с. 4].

Не задерживаясь на длительном периоде зарождения пра-религий в мифо-магических практиках, обратимся к тому, что К. Ясперс назвал «осевым временем», когда формировались основные мировые религии, – к периоду смены мифологического мышления рациональным. Речь идёт о кардинальной смене мифологических традиций: мифо-магические комплексы поклонения древнейшим этническим первопредкам и культурным героям, по существу, революционным образом заменяются мифо-религиозными структурами мировых религий, в которых роль и значение мистики трансформировались.

В учениях Будды, Христа и Мухаммеда, испытавших мистический опыт, мистике можно считать «отправным пунктом» формирования религии и лишь одним из элементов религиозного сознания некоторых верующих, в конце концов, некой «подосновой» религиозного учения и практики, имея в виду исходное осознание непостижимости Бога и Его воздействия на природный мир и человека в нём. Но для любого рационально мыслящего человека очевидно, что Сиддхартха Гаутама не был буддистом, Иисус Христос не был христианином, а Мухаммед не был мусульманином. Для нас важен тот факт, что в эпоху «осевого времени» в мировых религиях полностью трансформировалось понимание взаимоотношения человека с Великой Тайной (Иным) по сравнению с мифом и магией.

Основной вопрос развитой религии – это вопрос *веры*, которая изначально ос-

нована на той предпосылке, что контакт с Иным в принципе возможен, но он исключительное явление и свершается только по высшей воле (благодати), а не так, как в профанной магии, когда у мага есть некие возможности принуждать высшие силы к действиям, необходимым смертным, когда сам маг того пожелает. Трансформация магии в примитивную религию – это в первую очередь переход от магического принятия Иного как неотъемлемой части здешнего мира и уверенности в возможности человека своей волей *влиять* на высших существ посредством ритуалов, переход к религиозному пониманию того, что Иной мир бесконечно далеко / высоко, но если правильно *просить* высших существ, то они могут услышать и помочь по их собственному желанию. В мировых религиях Иное изначально признаётся непознаваемым (нирвана в буддизме, непостижимый Бог в христианстве и Аллах в исламе), мистика «отодвигается» на периферию и религиозного учения, и религиозного культа. Даже если она признаётся, то часто вступает в противоречие с официальной догматикой и практикой конкретной религии, будь это чань / дзен в буддизме, исихазм в христианстве или суфизм в исламе.

Рассмотрение мистики в качестве некоей разновидности религии или её полного аналога приводит к целому ряду недоразумений в теоретическом плане и к нецелесообразным трансформациям религиозно-социальной практики.

Мистика, в отличие от религии, связана с деятельностью и специфическим образом жизни уникальных представителей человечества, которые зачастую поневоле обретают возможность «соприкоснуться» с «трансцендентным» благодаря своим неординарным способностям. И ссылка на всеобщие «мистические способности» не выдерживает критики. Так, каждый человек так или иначе умеет петь и даже может пройти профессиональную подготовку, но выдающихся оперных певцов всегда единицы. Признавая те или иные мистические способности людей, нельзя призывать всех и каждого к обретению мистического опы-

та, тем более рассчитывать на его основе «здесь и сейчас» улучшать личную и социальную жизнь. При этом в рамках религиозного мышления те или иные представления о мистике могут формулироваться довольно чётко (при условии, что они не претендуют на окончательную истину).

Мистика и философия

В европейской философской традиции прослеживается целый ряд попыток дать теоретическое определение мистики, в отличие от религии, мифа и магии. В начале своего формирования древнегреческая философия была тесно связана с мистикой. Плутарх вкладывает соответствующую сентенцию в уста философа Аммония Саккоса: «... дорогой нам Аполлон излечивает и разрешает трудности, касающиеся жизненных обстоятельств, посредством прорицаний, которые он даёт людям, вопрошающим оракул; но трудности, разрешаемые только посредством размышления, он как будто бы сам посылает философу, возбуждая у него аппетит, зовущий того к поиску истины...» [9, с. 167]¹.

Далее Плутарх отмечал: «Относительно того, что бог не в меньшей степени является философом, чем прорицателем, всем показались правильными объяснения Аммония; он раскрыл значение каждого имени бога; “Пифиец” – бог для начинающих учиться и исследовать, “Делиец” и “Фанес” – для тех, перед кем уже частично раскрывается истина, “Исмений” – перед обладающим знанием и “Лесхинорий” – для людей, которые уже набрались опыта и извлекают пользу из споров и философских бесед друг с другом» [9, с. 167] («Пифиец» Аммония происходит от греч. ‘спрашивать’; «Делиец» от греч. ‘ясный’; «Фанес» от греч. ‘светить’; «Исмений» от греч. ‘знать’; «Лесхинорий» («покровительствующий беседе») от греч. ‘место бесед’).

Итак, начало философии для некоторых древнегреческих мыслителей божественно; она не наукоподобное знание, а данное свыше умение рассуждать по поводу данных от того же бога сложных заданий и толковать его послания. Аполлон привлекал к философии и начинающих, и обладающих знанием, и всех тех, кто стремится свой опыт применить и обменяться им в философских беседах (вспомним, что древнегреческое «филео» обозначает «стремление», а не «любовь» к мудрости!).

Прорицания и их толкования в Дельфийском храме Аполлона – важнейшая составляющая часть жизни древних греков, как отдельных граждан, так и целых полисов. Обнаружение истинности или ложности информации, заключённой в туманные определения действительно требовало значительных мыслительных усилий, игры воображения и развитой интуиции. Аммоний в сообщении Плутарха продолжал: «Так как начало философии, – сказал он, – это поиск истины, а начало поиска – удивление и затруднение, то естественно, что многое, касающееся божественных дел, кажется сплошными загадками и настоятельно требует вопроса “почему?” и исследования причины» [9, с. 167].

Мифологически-религиозный способ мышления позволил древнегреческим философам не только убедительно для своего менталитета представить основателя философии – бога Аполлона, но также признать важность его методов пробуждения и развития философского мышления у людей – *прорицания*, передаваемых пифиям (минимально растолковываемых жрецами оракулов), требующих рассуждений с применением логики и диалектики. Доводы древних греков с точки зрения их этнического менталитета действительно кажутся логичными: бог не может напрямую общаться с людьми – он иноприроден и, по существу, смертельно опасен для хрупкого человеческого организма (можно вспомнить знаменитый миф о Семеле, матери Диониса, которая вынудила Зевса предстать перед ней во всем своём божественном величии и сгорела в неземном огне).

¹ Заметим, что именно Аммоний Саккос (175–242) считается основателем александрийской школы неоплатонизма и одним из признанных мистиков древности.

Потому пифии выступали посредницами и вестницами бога, получая послания, которые необходимо истолковывать для обычных людей.

Существует предание о том, что на фронтоне Дельфийского храма было написано: «Познай самого себя – и ты познаешь Бога и Вселенную». Она отражала редко вспоминаемую доклассическую традицию древнегреческой философии, когда она была связана с аполлонической мистикой (через пифий и оракулов). Есть легенда о том, что золотой треножник пифий из храма Аполлона как символ мудрости древнего мира был передан Фалесу из Ионии, одному из первых философов и основателю Милетской философской школы [10, с. 135].

И если в древнегреческой культуре сформировалась философски обоснованная «теория» магии, которая получила название *теургии* [11, с. 4], то специфической теоретико-философской трактовки мистики в этой этнической культуре не появилось.

Мистика в европейской культуре Средневековья и Нового времени

Движение европейской философской мысли после падения древнегреческой цивилизации, как известно, пошло в другом направлении, опираясь на идеи аристотелизма [12]. Мистика была и оставалась несуществующим или в лучшем случае факультативным предметом рассмотрения для новоевропейских философов. Только к концу XVIII – началу XIX вв. мистика, мистические феномены и различные направления мистицизма привлекли интерес некоторых западных философов.

Хотя первое философское рассмотрение мистики как специфического социокультурного феномена ведёт своё начало со времён складывания древнегреческой философии, попытки рассмотрения или осмысления мистики в различных этнокультурных полях были специфическими. В европейской духовной истории можно отметить средневековую немецкую христианскую мистику (Я. Бёме,

Ангелус Силезиус, Майстер Экхарт, Фома Кемпийский, Иоганн Таулер, Валентин Вейгель), испанскую мистику XVI в. (Тереза Авильская, Хуан де ла Крус), средневековую итальянскую мистику (Иоахим Флорский, Блаженная Анджела из Фолиньо, Екатерина Сиенская). Вполне определённые особенности осмысления мистики можно проследить в английской ренессансной и просветительской мысли (Джон Ди, Роберт Фладд, Уильям Блейк), а также в немецком мистицизме XVI–XIX вв. (Г. Кунрат, Г. Терстеген, И. Г. Юнг-Штиллинг, Ф. К. фон Баадер), во французской мистике Нового времени (А. Фабр д'Оливе, мадам Гюйон).

Мистика в русской философии

По существу, русский философ Вл. С. Соловьёв был первым, кто ввёл понятие «мистики» в современный философский оборот. Он сам был прирождённым мистиком, в своих философских и художественных произведениях раскрывавшим результаты собственных мистических опытов [13]. В философском осмыслении мистики Соловьёв исходил из собственной «теософской» системы, которая несла на себе черты не только платоновского, неоплатонического, гностического и различных направлений христианского мистицизма, но также и разнообразных древневосточных мистических учений. Согласно взглядам Соловьёва, изложенным в одной из его ключевых работ, существует трансцендентный мир, «сверхприродный и сверхчеловеческий», «мир сам по себе», о котором он писал: «...выше человека и внешней природы другой безусловный божественный мир, бесконечно более действительный, богатый и живой, нежели этот мир кажущихся, поверхностных явлений. И такое признание тем естественнее, что сам человек, по своему вечному началу, принадлежит к тому трансцендентному миру и в высших степенях своей жизни и знания всегда сохранял с ним не только субстанциональную, но и актуальную связь» [14, с. 172]. По мысли

философа, человеческий дух, поскольку он глубинно связан с мировой душой и трансцендентным миром, может иметь к запредельному миру прямое, непосредственное отношение. Именно «...творческое отношение человеческого чувства к этому трансцендентному миру называется мистикой» [14, с. 152].

Вл. Соловьёв подчёркивал, что понятие мистики впервые было осознано в древнегреческой культуре. В качестве редактора отдела философии в издательстве Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона Соловьёв написал обширную статью о мистике. В ней Соловьёв отмечал: «Кроме явного богослужения у греков, как и у других народов, существовали сокровенные обряды и поучения, связанные в Греции преимущественно с новыми божествами, носителями культуры – Деметрою и Дионисом. Всё сюда относившееся называлось та мистика»¹. Сам термин «мистика» он непосредственно увязывал с термином «мистерия» через общий корень «μυσ» – ‘держатъ закрытым ротъ’ – в значении ‘тщательно хранить (священную) Тайну’.

Вл. С. Соловьёв обозначил основные подходы к рассмотрению мистики: 1) исторический (от мистерий древних цивилизаций); 2) в переносном смысле («реальная или опытная мистика»); 3) в христианском смысле; 4) в аспекте религиозно-философской деятельности.

Русский философ подчёркивал различие между понятиями «мистика» и «мистицизм». По В. С. Соловьёву, мистицизм – это «исключительное направление мысли», признающее мистический опыт «...единственным или, по крайней мере, самым верным и достойным способом познания и осуществления истины»². По определению философа, мистицизм «... есть рефлексия нашего ума» на прямое и непосредственное отношение человеческого духа к трансцендентному миру и «... образует особое направление в филосо-

фии... Мистика и мистицизм так же относятся друг к другу, как, например, эмпирия и эмпиризм»³.

Иначе говоря, мистицизм – это та или иная форма осмысливания мистики и мистического опыта на практическом и/или теоретическом уровне, существующая в качестве более или менее оформленного учения. Мистицизм как особый духовный феномен в средиземноморском культурном ареале сложился в результате значительных трансформаций древних мифов и традиционной магии, на фоне оформления религиозных комплексов и древних философий как специфическая форма интеллектуальной деятельности в пределах того или иного этнического менталитета.

Хотя Соловьёв не создал своей философской школы, но он стал духовным основоположником целой эпохи «русского духовного возрождения», в русле которого начала формироваться специфическая линия русской «мистической философии» [15]. Духовно-творческими усилиями целой плеяды русских философов (Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, Е. Н. Трубецкого, Н. О. Лосского, П. А. Флоренского, В. Н. Лосского, А. Белого и др.) формировалась оригинальная русская мистическая философия. Мистический пласт в творчестве некоторых философов сегодня уже специально исследуется (так, недавно рассмотрена мистическая составляющая в творчестве Н. А. Бердяева [16], «мистический реализм» в творчестве Н. А. Бердяева и С. Л. Франка [17]), а также анализируется связь мистической и магической традиций в русской культуре и философии [18]. Сегодня очевидно, что русская мистическая философия имела собственные пути развития, свои методы и принципы исследований, свой категориальный аппарат, сложную систему взаимодействий с традиционными – западными и восточными – философскими школами, мистическими и религиозными течениями и естественно-научными исследованиями [19].

¹ Соловьёв В. С. Мистика // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 37. СПб.: Типолиотография И. А. Ефрона, 1896. С. 454.

² Там же. С. 152.

³ Там же.

Заключение

В современной культуре можно признать, что мистика в этнокультурном и историко-философском развитии представляет собой особое явление, не тождественное ни мифу, ни магии, ни религии, ни философии, хотя активно взаимодействует с ними. Как многоаспектный и сложный феномен, она может осмысливаться философами, которые пережили непосредственный мистический опыт (что оказалось наиболее характерным для русской культуры); также мистика может из-

учаться психологами и нейробиологами (что превратилось в современный тренд североамериканской науки). В европейских культурах существуют многовековые тенденции непосредственного соединения мистики с эзотерикой и оккультизмом. В традиционных культурах Африки, Азии и Латинской Америки мистика и её аспекты, как правило, включены в сложные религиозные комплексы, сочетающие реликты племенных культов, концепты и практики мировых религий и современные вневероисповедные учения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елизаренкова Т. Я. Об Атарваведе // Атарваведа: Избранное. М.: Наука, 1989. С. 3–56.
2. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: ЯСК: Гнозис, 2022. 696 с.
3. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
4. Griaule M., Dieterlen G. Un Systeme Soudanais de Sirius // Journal de la Societe des Africanistes. 1950. Vol. XX. Fasc. 1. P. 273–274.
5. Griaule M., Dieterlen G. Le renard pale: Le mythe cosmogonique. Paris: Institute d'Ethnologie, 1965. 544 p.
6. Guerrier E. La cosmogonie des Dogon. L'arche du Nommo. Paris: R. Laffont, 1975. 187 p.
7. Dieterlen G. Essai sur la religion Vambara. Paris, 1951. 240 p.
8. Котляр Е. С. Миф и сказка Африки. М.: Наука, 1975. 243 с.
9. Плутарх. О «Е» в Дельфах // Исида и Осирис: сборник. М.: ЭКСМО, 2006. С. 167–206.
10. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу: Становление греческой философии. СПб.: Алетейя, 2003. 360 с.
11. Петров А. В. Феномен теургии: Философия и магия в античности. СПб.: РХГИ: СПбГУ, 2003. 416 с.
12. Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности: материалы Московской международной конференции по Аристотелю (г. Москва, 17–19 октября 2016 г.) / под общ. ред. В. В. Петрова. М.: Аквилон, 2017. 707 с.
13. Кравченко В. В. Владимир Соловьёв и София. М.: Аграф, 2006. 384 с.
14. Соловьёв В. С. Философские начала цельного знания // Соловьёв В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 139–288.
15. Кравченко В. В. Русский мистицизм: от личного опыта к мистической философии // Философия в полицентричном мире: VIII Российский философский конгресс. Секция 1: сборник научных статей. М.: РФО-ИФРАН-МГУ: Логос, 2020. С. 787–789.
16. Кравченко В. В. Н. А. Бердяев – русский мистический философ // Философский полилог. 2024. № 1–2 (15–16). С. 51–64. DOI: 10.31119/phlog.2024.1-2.219.
17. Хузиахметова И. А. Мистический реализм в русской философской мысли // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Т. 14. № 6А. С. 3–9.
18. Жиртуева Н. С., Козлов М. Н. Мистическая и магическая традиции в русской культуре // Вопросы философии. 2023. № 11. С. 204–214. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-11-204-214.
19. Кравченко В. В. Русская мистическая философия как феномен всемирной культуры // Философский полилог. 2022. № 1 (11). С. 89–98. DOI: 10.31119/phlog.2022.1.167.

REFERENCES

1. Elizarenkova, T. Ya. (1989). On the Atharvaveda. In: *Atharvaveda: Selected Works*. Moscow: Nauka publ., pp. 3–56 (in Russ.).
2. Losev, A. F. (2022). *Dialectics of Myth. Supplement to "The Dialectics of Myth."* Moscow: YASK publ., Gnosis publ. (in Russ.).

3. Lévy-Bruhl, L. (1994). *Contributions to the Study of Primitive Mentality*. Moscow: Pedagogy-Press publ. (in Russ.).
4. Griaule, M. & Dieterlen, G. (1950). Un Systeme Soudanais de Sirius. In: *Journal de la Societe des Africanistes*, XX, Fasc. 1, 273–274.
5. Griaule, M. & Dieterlen, G. (1965). *Le renard pale: Le mytho cosmogonique*. Paris: Institute d'Etnologie.
6. Guerrier, E. (1975). *The cosmogonies of Dogon. L'arche du Nommo*. Paris: R. Laffont.
7. Dieterlen, G. (1951). *Essai sur la religion Bambara*. Paris.
8. Kotlyar, E. S. (1975). *Myth and Fairytale of Africa*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
9. Plutarch (2006). On the E at Delphi. In: *Isis and Osiris*. Moscow: EKSMO publ., pp. 167–206 (in Russ.).
10. Cassidy, F. H. (2003). *From Myth to Logos: The Development of Greek Philosophy*. St. Petersburg: Aletheia publ. (in Russ.).
11. Petrov, A. V. (2003). *The Phenomenon of Theurgy: Philosophy and Magic in Antiquity*. St. Petersburg: Russian Chemical Institute publ., St. Petersburg State University publ. (in Russ.).
12. Petrov, V. V., ed. (2017). *Aristotelian Heritage as a Constitutive Element of European Rationality: Proceedings of the Moscow International Conference on Aristotle (Moscow, October 17–19, 2016)*. Moscow: Akvilon publ. (in Russ.).
13. Kravchenko, V. V. (2006). *Vladimir Solovyov and Sofia*. Moscow: Agraf publ. (in Russ.).
14. Soloviev, V. S. (1988). Philosophical Principles of Integral Knowledge. In: Soloviev, V. S. *Works. Vol. 2*. Moscow: Mysl publ., pp. 139–288 (in Russ.).
15. Kravchenko, V. V. (2020). Russian Mysticism: From Personal Experience to Mystical Philosophy. In: *Philosophy in a Polycentric World: VIII Russian Philosophical Congress. Section 1*. Moscow: RFO-IFRAS-MSU publ., Logos publ., pp. 787–789 (in Russ.).
16. Kravchenko, V. V. (2024). N. A. Berdyaev – Russian Mystical Philosopher. In: *Philosophical Polylogue*, 1–2 (15–16), 51–64. DOI: 10.31119/phlog.2024.1-2.219 (in Russ.).
17. Khuziakmetova, I. A. (2025). Mystical Realism in Russian Philosophical Thought. In: *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, 14, 6A, 3–9 (in Russ.).
18. Zhirtueva, N. S. & Kozlov, M. N. (2023). Mystical and Magical Traditions in Russian Culture. In: *Voprosy Filosofii*, 11, 204–214. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-11-204-214 (in Russ.).
19. Kravchenko, V. V. (2022). Russian Mystical Philosophy as a Phenomenon of World Culture. In: *Philosophical Polylogue*, 1 (11), 89–98. DOI: 10.31119/phlog.2022.1.167 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравченко Виктория Владимировна (г. Москва) – доктор философских наук, профессор кафедры теологии Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: kravvic@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria V. Kravchenko (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Theology, Moscow State Linguistic University;
e-mail: kravvic@mail.ru